

УДК 811.112

И.Н. Осовская

ДИСЕНСНЫЕ МАРКЕРЫ В КОНФРОНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования организации когерентной обеспеченности тематического развертывания конфронтативного речевого взаимодействия и функционирования дисенсных маркеров как речевых единиц, которые сигнализируют о несогласии, дестабилизации, контрасте или сбое в ожиданиях говорящего.

Одним из типов дискурса, являющегося неотъемлемым элементом сосуществования, является конфронтативное речевое взаимодействие, современное исследование которого подчеркивает позитивно-функциональную роль конфликта в гармонизации социальных отношений и принципиальную возможность его регулирования. Конфронтативная коммуникация обеспечивается выполнением говорящими задач, размещенных на разных плоскостях организации интеракции: на плоскости действий, на плоскости организации диалога, на площади тематического развертывания.

Общее структурно-семантическое описание и анализ конфликтных ситуаций показал, что развертывание конфликта на плоскости организации происходит по четырехступенчатой модели, результатом которой является изменение структуры и модуса разговора, «растворения» консенсусного статуса диалога и переход в конфликтную (дисенсную) структурную организацию (ДСО) [1; 2]. Изменения в преференциальной организации имеют и другие характеристики, которые проявляются прежде всего на уровне правил передачи реплики, т.е. модификации общих принципов структурирования. Такое нарушение может проявляться следующим образом: выражение несогласия структурно не проявляется, имплицитное несогласие содержится в другой части секвенции [2]; смена говорящего происходит не по принципу релевантного обмена (*transition relevance places* – [3]), а через систематическое его нарушение; наблюдается повышенное количество формальной когезии между последовательными высказываниями (что подчеркивает особенную четкость маркировки содержательных взаимосвязей, как собственных, так и контрагентных).

Конфликт вспыхивает как реакция на высказывание, действие или пресуппозицию высказывания, т.е. может быть реакцией на принципиально все события и действия, которые объединяют (или объединяли) партнеров в общем интерактивном пространстве [4]. Эта коммуникативно-теоретическая общность особенно релевантна для конфликтных ситуаций, поскольку именно в этом типе коммуникации самым вероятным является наличие этого общего знания не как фактического, а как актуализированного в прешествующем диалоге и совместно созданного. Конфликты возникают тогда, когда осуществляется очевидное нетолерантное посягательство на взаимные ожидания.

Предшествующие исследования определили, что на плоскости действий нарушение структурирования приводит к появлению иллюзий упрека и несогласия [5]. Несогласие характеризуется тем, что контрагент хочет и декларирует несогласие с точкой зрения партнера, однако не представляет свою собственную. Упрек представляет собой структуру более сложную, нежели несогласие, поскольку оправдание партнера должно конвенционально приниматься оппонентом, а последовательность «упрек – встречный упрек» влияет на потенциальную возможность возникновения ДСО.

Исследование общей модели конфликтного взаимодействия на данном этапе предусматривает рассмотрение когерентной обеспеченности плоскости тематического

развертывания, поскольку глобальная когеренция должна последовательно маркироваться говорящими для поддержания последовательности собственной стратегии каждого из участников и подчеркивания диссенсного отношения к контрпропозиции. Регулирование конструктивного/деструктивного диспута обеспечивается в первую очередь языковыми единицами, которые выполняют специфическую функцию диссенсных маркеров – подкласса дискурсных маркеров («pragmatic marker» [6], «discourse marker» [7], «pragmatische Konnektoren» [8], «Gliederungssignale» [9] и др.). Остальные рассматриваются в мировой литературе как нечетко обозначенный широкий класс языковых средств, участвующих в организации дискурса, указывающих на отношения между его частями, а также маркирующих их сочетание, границы или взаимосвязи, связывая ходы, тематические блоки или фазы диалога, устанавливая ассоциации с имплицитными контекстами. Дискурсные маркеры указывают на релевантность высказывания, ограничивая число возможных интерференций и тем самым подавая сигнал, каким образом следует присоединить позначенный маркером сегмент дискурса с контекстом.

Диссенсные маркеры можно определить как группу дискурсных маркеров, которые в силу своей структурной функции и способности сигнализировать адверсивное отношение, играют важную роль в управлении интеракцией в рамках контroversного коммуникативного функционирования конфликта и поддерживают говорящих при выполнении основных риторических задач в диалогах. Диссенсные маркеры («contrastive marker» [7; 10], «disagreement marker» [11]) – это дискурсные маркеры, которые сигнализируют о том, что последующий сегмент дискурса контroversно присоединяется к предшествующему дискурсу и не подтверждает его по крайней мере на одной из плоскостей организации диалога. Другими словами, диссенсные маркеры – это «те языковые средства, которые показывают, что высказывание направлено против предыдущего высказывания другого партнера дискуссии» [2, с. 168].

Исследование языкового материала позволило определить в качестве диссенсных маркеров возражения и запрещающие слова, частицы, союз *aber*, знаменательные части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие) с семой «негативная реакция», устойчивые лексическо-грамматические конструкции.

Возражения и запрещающие слова (*nein*, *keineswegs*, *keinesfalls*) реализуют диссенсный потенциал автономно благодаря основному лексическому значению:

«Sie könnten ihn zum Lunch einladen – selbstverständlich auf meine Kosten. Ihm auf dem Zahn fühlen. Mit Ihren Eindruck schildern».

«*Nein*», sagte ich (Meincke, Den ich küssen werde, S. 240).

Употребление запрещающих слов *keineswegs*, *keinesfalls* характеризуется дополнительным признаком интенсификации выраженной негативной реакции.

Функционирование частиц характеризуется двумя ракурсами: запрещением определенных действий/лиц/обстоятельств (запрещающая частица *nicht*) или усилением значения определенных факторов с целью аргументации как средства поддержания тематической когерентности. «Негативное» значение отрицательной частицы *nicht* лежит в отрицании действия, указанного в реплике контрагента.

«Die Ansichtskarte gibst du mir sofort zurück».

«Die Karte gebe ich *nicht* zurück» (Müller, Die Welt in jenem Sommer, S. 134–135).

Вариантом данной структуры выступает следующая конвенциональная формула, эксплицированная *sondern*-фразой, которая отрицает пропозиционное содержание указанием на противоположные ему качества или причины:

«Du wirst jetzt bei uns wohnen», sagte Vega schluchzend.

«Ich werde *nicht* bei euch wohnen, *sondern* kehre zurück», antwortete Mendel (Roth, Hiob, S. 160).

Запрещение может иметь контуры частичности, чтобы осуществляться через неполное предложение по формуле «*nicht* + лексема, обозначающая субъект/предикат/обстоятельство действия». Такая формула способствует реализации иллюкутивной цели, с одной стороны, экономя лексические средства, с другой – указывая на то, что контрверсная реакция говорящего действительна только при определенном условии и может перестать функционировать, если указанное условие будет изменено:

«Willst du noch Kaffee?»

«*Ich nicht*», sagte er (Köhlmeier, Spielplatz der Helden, S. 116).

«Soll ich dir zu trinken geben?»

«*Nicht jetzt*» (Frischmuth, Einander Kind, S. 96).

Синонимично данной формуле выступает формула «*ohne* + лексема, обозначающая субъект/предикат/обстоятельство»:

«Wir sollten doch Sondierungsgespräche über Ost-West-Arbeitsgruppen führen. Hier ist das Thema».

«*Ohne mich!*» (Schwanitz, Der Zirkel, S. 335).

Использование полнозначных слов в качестве дисенсных маркеров обусловлено их семантическим содержанием, где ведущим компонентом выступает сема «негативная реакция».

В качестве дисенсных маркеров могут выступать отглагольные существительные (*Schluß, Abschluß, Ende, Dummheit, Mißverständnis, Schnapsidee, Unsinn, Quatsch*), существительные, несущие определенное фразеологически закрепленное «негативное» содержание (*Dummkopf, Hans*), а также зоонимы (*Esel, Gans*), обладающие высокой степенью выразительности, поскольку придают предмету речи выраженные говорящим объективно существующие эмоции негативной оценки. Коммуникативная релевантность характерных признаков животных базируется на объективной возможности субъективного приписывания соответствующих негативных признаков человеку:

«Willst du nicht aufstehen?», fragte ich, als ich wieder zu Irene kam. «Der Doktor hat gesagt, du kannst ruhig aufstehen».

Sie schüttelte den Kopf, ohne die Augen zu öffnen. «Der Doktor ist *ein Esel*», sagte sie (Kaus, Die Schwestern Kleh, S. 269).

Приведенный пример иллюстрирует начальную фазу речевой конфронтации, выраженной констатацией факта «*Der Doktor ist ein Esel*», т.е. переход к дисенсной организации осуществляется путем использования зоонима для негативной характеристики субъекта, которого контрагент выбирает аргументом своей пропозиции.

Если существительное уже содержит отрицательную сему, то прилагательное берет на себя роль интенсификатора негативной оценки. Если же прилагательное сочетается с семантически нейтральным существительным, то его использование в качестве дисенсного маркера обусловлено семантическим содержанием с ведущей семой негативности, запрещения, неуважения, отсутствия признака, необходимого для осуществления пропозиционного содержания:

«Ich brauche Papiere», sagte Hans. «Gute Papiere», sagte er, «irgendwo müssen hier doch Papiere sein, am besten von einem Toten. Versuchen Sie...»

«Sie sind *verrückt*» (Böll, Der Engel schwieg, S. 16).

Прилагательные типа *verrückt, blöd, dumm, leer, primitiv, naiv, riskant* оформляют выражение негативной характеристики лица или действия адресата, номинируют негативные чувства и эмоции, которые испытывает говорящий по отношению к собеседнику, или же указывают на любое «негативное» отклонение от нормы в личности контрагента.

Использование глаголов в качестве дисенсных маркеров обеспечивается негативной импликацией, наличием в формальной или имплицитной структуре лексемы встроеного отрицательного элемента, адсорбированного глаголом в процессе деривации

(*fehlen, schweigen, mangeln, hemmen, scheitern, meiden, weigern, ignorieren, lügen, vergessen*) или приобретенного в процессе аффиксации (*unterlassen, verbieten, abtun, übersehen, sich entziehen, ausschließen, widersprechen, aufgeben*):

«Zuerst möchte ich gerne, daß Sie mir Señora Tudo malen».

«Leider übersteigt eine solche Aufgabe meine Kraft, Don Manuel», sagte er höflich (Feuchtwanger, Goya, S. 260).

Семантика глагола *übersteigen*, который несет основную «негативную» нагрузку, содержит сему «несоответствие реальным возможностям», обозначающую качество, которое частично противоречит или является полностью потивоположным семе «согласно возможностям выполнить портрет» глагола *malen* как компонента проспективного акта. Взаимоисключающая зависимость этих сем обеспечивает адекватную интерпретацию контрагентом реактивного акта.

Дисенсными маркерами могут выступать определенные наречия (*unmöglich, unnötig, ausgeschlossen, genug, basta*), которые квалифицируют поступки и состояние адресата, придавая им негативную окраску. Использование единичного наречия с «негативным» семантическим содержанием (прямым или производным, полученным лексемой в результате аффиксации), как правило, характеризует максимальную степень категоризации высказывания в ситуациях сильного эмоционального напряжения (принципиального спора между матерью и сыном, в котором ни один не желает поступиться собственными интересами):

«Zweitens: in 14 Tagen, nach Schluß der Herbstferien, gehst du wieder zur Schule!»

«Aussgeschlossen!» sagte Achim, jetzt ehrlich entsetzt (Meincke, Den ich küssen werde, S. 263).

Семантически присущее союзу *aber* значение противопоставления делает его неизменным лексико-семантическим дисенсным маркером, т.е. средством экспликации несогласия с мыслью собеседника. Различные семантико-синтаксические условия раскрывают разные стороны смысловой структуры данного союза, который может использоваться для выражения не только активного несогласия и возмущения действиями партнера, а и для демонстрации определенных уступок партнеру по коммуникации и коррекции собственных мыслей говорящего.

Aber маркирует конфронтативность в ситуации активного несогласия говорящего с действиями, мыслями или поступками, представленными в высказываниях или действиях собеседника. Несогласие подкрепляется аргументами:

«Warum fragen Sie nicht die Berufungskommission?»

«Aber Ursula! Du kennst doch diese Männermeuten. Wenn die einen Fehler gemacht haben, mauern die doch» (Schwanitz, Der Zirkel, S. 115).

Определенная группа частиц (*nur, bloß, allein, einzig, ausschließlich, gerade, eben, einfach*) обладает способностью обозначать негативные связи с противочленами и пресуппозициями ожидания, т.е. функционирует в условиях противоречия, что, в свою очередь, выступает средством негативной реакции:

«Möchten Sie dem kühlen Gedanken etwas hinzufügen?»

Ein Lächeln gelingt. «Es war *nur* diese These» (Röhrig, Sand, S. 192).

Противочлен (*etwas*) и пресуппозиция ожидания (*sie möchten etwas hinzufügen*) в данном случае домысливаются адресатом, а проявление неопределенно предполагаемого большего (*etwas*) ограничивается конкретизированным меньшим (*diese These*). Обе пресуппозиции (как противочлена, так и ожидания) выражены эксплицитно. Частица обеспечивает противоречие выражения *Es war nur diese These* с пресуппозицией ожидания. Указывая на общее свойство возражения, каждая такая частица дает индивидуальную характеристику отношениям между противочленом и ядерным элементом:

«часть вместо целого», «меньшее вместо большего» (в приведенном примере), «раньше, а не позже» и т.п.

Междометия представляют экспрессивную сторону речевого общения и, не имея грамматического значения, играют определенную роль в понимании семантики высказывания. Использование междометий ситуативно-индивидуально, а декодирование их говорящим осуществляется путем анализа контекста. Хотя основным значением междометий в зафиксированной выборке является модификация реакции (через усиление экспрессивности речевого акта), определенная их группа (*ach, i wo, ach wo, ach was*) может функционировать в качестве диссенсных маркеров:

«Ach», hauchte Lizzi Lampe, «dann darf ich also für die wunderbaren Karotten bezahlen, liebe Mutter Wolf?»

«Bezahlen? *Ach was*», rief Mutter Wolf (Frischmuth, *Modernische Märchen und andere Erzählungen*, S. 16).

Приведенная ситуация иллюстрирует разговор, в котором использован довольно распространенный в бытовом общении способ перехода к диссенсной организации – через использование междометия, которым говорящий протестует против действия, предложенного в предыдущем акте.

Контроверсная реакция имеет в своем арсенале ряд устоявшихся конструкций лексического наполнения – сочетаний слов, которые служат диссенсными маркерами. Таковыми выступают, в первую очередь, фразеологические словосочетания, характеризующиеся богатым смысловым наполнением, поскольку интенсифицируют негативную оценку и способствуют усилению экспрессивности всего высказывания. Фразеологические конструкции могут либо включать негативный элемент (*kein großes Licht sein, as seinem Herzen keine Mördergrube machen, nicht alle Tassen im Schrank haben, jm nicht das Wasser reichen können, das ist nicht unser Bier, weder Fisch noch Fleisch sein*), либо имплицитно отрицание (*das paßt wie Faust aufs Auge, das ist klar wie dicke Tinte, Knöpfe auf den Augen haben*):

«Du kannst mal mit ihm rausgehen».

«Ach, der ist doch *weder Fisch noch Fleisch!*» («Girlfriends», ZDF-Fernsehserie).

Грамматической формой, которая может выступать диссенсным маркером, является императив, который чаще всего характеризует ситуации высокой эмоциональной напряженности и функционирует через механизм нейтрализации и уничтожения содержания одного побудительного высказывания путем осуществления другого как реактивного:

«Seien Sie doch vernünftig!»

Sie stößt meine Hand weg, klammert sich an den Toten. «*Lassen Sie mich – Sie!*» (Meincke, *Den ich küssen werde*, S. 124).

Императивные конструкции представлены в форме грубых и категорических приказаний и требований, направленных на то, чтобы адресат прекратил или выполнил определенные действия. Побуждая адресата, говорящий тем самым негативно протестует против выполнения направленного на него действия. Довольно часто негативная оценка заложена в структуры-проклятия, которые включают в себя арго и бранную лексику:

«Mach das sofort, sonst bringe ich dich um!»

«Möge dich der Blitz erschlagen, du, blöde Gans. Du kannst mich mal!» (Die Biests, RTL-Fernsehserie)

Таким образом, рассмотрев организацию когерентной обеспеченности плоскости тематического развертывания конфронтативного речевого взаимодействия, можно утверждать, что основную роль в понимании конфликтной трансформации модуса диалога играют диссенсные маркеры – языковые единицы, которые по меньшей мере на одной из плоскостей организации взаимодействия сигнализируют о несогласии, дестабилизации,

контрасте или сбое в ожиданиях: на пропозиционной плоскости они маркируют противоположные отношения или аргументативный контраст, на функциональной плоскости они представляют уход от ожидаемого действия или контрастивное действие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осовская, И.Н. Приведение к конфликту и его структурная организация / И.Н. Осовская // Науч. вестник Черновицкого ун-та. Германская филология. – Черновцы : Рута. – 2008. – Вып. 372. – С. 77–84.
2. Gruber, H. Streitgespräche. Zur Pragmatik einer Diskursform / H. Gruber – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1996. – 351 S.
3. Carbo, T. Towards an interpretation of interruptions in Mexican parliamentary discourse / T. Carbo // Discourse & Society. – 1992/3. – P. 25–47.
4. Maynard, D. How children start arguments / D. Maynard // Language in Society. – § 14. – 1985. – P. 1–29.
5. Осовская, И.Н. Формулирование противоположных точек зрения как центральная фаза конфликтной ситуации / И.Н. Осовская // материалы Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы романо-германской филологии» (Черновцы, 10–12 мая 2008 г.). – Черновцы : Книги XXI, 2008. – С. 205–207.
6. Fraser, B. Pragmatic Markers / B. Fraser // Pragmatics 6/2. – 1996. – P. 167–190.
7. Blakemore, D. Relevance and linguistic meaning: The semantics and pragmatics of discourse markers / D. Blackmore. – Cambridge : Cambridge studies in linguistics 99. – 2002. – 212 p.
8. Mendoza, I. Zur Koordination im Russischen: i, a und da als pragmatische Konnektoren / I. Mendoza. – München : Slavistische Beiträge. – Band 338. – 1996. – 248 S.
9. Friedhof, G. Dialoganalyse und Partikelgebrauch / G. Friedhof. – München : Specimina Philologiae Slavicae. – Bd.112. – 1996.
10. Fraser, B. Pragmatic Markers / B. Fraser // Pragmatics 6/2. – 1996. – P. 167–190.
11. Grube, H. Disagreeing: Sequential placement and internal structure of disagreements in conflict episodes / H. Gruber // Text 18/4. – 1998. – P. 467–503.

Osovskaya I.N. Desense Markers in Confrontative Discourse

The article gives the results of the investigation of the organization of coherent provision of thematic unfolding of confrontative speech interaction and desenses markers functioning as speech units which signal discrepancy, destabilization, contrast or failure in speaker's expectations.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.03.2010